

Обретая ДОМ

Интинка

ЯРОСЛАВНА КРЮКОВА

18+

Ярославна Крюкова

Обретая дом. Интинка

<https://litres.ru/73927288>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тане тридцать восемь. Двенадцать лет в Москве. Семь съёмных квартир — и ни одной своей. Карьера выстроена правильно, по шагам, как положено. Только дома так и не появилось.

Командировка в маленький город у Полярного круга должна была стать просто работой. Стала — началом.

Инта встречает её лиловым небом, скрипом снега и людьми, которые здороваются по имени. Участковый Анатолий — спокойный, немногословный, вырезает медведей из дерева и хранит боль восьмилетней давности — без объяснений ловит её на гололёде. И что-то в Тане, привыкшей всё контролировать, начинает медленно оттаивать.

Это роман о доме — не как о квадратных метрах, а как об ощущении, что тебя здесь знают. О выборе между правильной жизнью и живой. О городе, который для одних — конец маршрута, а для других — начало.

Не вопреки холоду и темноте. Вместе с ними.

Обретая дом. Интинка.

Содержание

Глава первая. Чашка	5
Глава вторая. Последний день перед отъездом	10
Глава третья. Инта	13
Глава четвёртая. Чудные люди	19
Глава пятая. Две недели	24
Глава шестая. Анатолий	32
Глава седьмая. Москва	38
Глава восьмая. Второй приезд	42
Глава девятая. Телефон	46
Глава десятая. Она со мной	52
Глава одиннадцатая. Полярная ночь	58
Глава двенадцатая. Оттепель	63
Глава тринадцатая. Гололёд	70
Глава четырнадцатая. Пять лет	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Ярославна Крюкова

Обретая дом. Интинка

Этот роман я посвящаю маленькому умирающему городу на Крайнем Севере, который посеял во мне зёрна, выросшие в новые смыслы и наполнившие мою жизнь иной глубиной.

После банкротства единственного градообразующего предприятия многим пришлось покинуть свои дома и дорогое окружение, чтобы обеспечить семье комфортную жизнь. Но даже в своё нелёгкое время город не потерял очарования, а люди остаются невероятно чистыми и добрыми.

Инта и интинцы — вы в моём сердце.

Глава первая. Чашка

Коробки она собирала профессионально.

Это умение пришло само — через повторение. Книги отдельно, одежда отдельно, кухня отдельно. Хрупкое — в бумагу, потом в пузырчатую плёнку, потом снова в бумагу. Скотч не рвать руками — только ножницами, ровно. Коробки подписывать маркером сбоку, не сверху — так удобнее искать при разборе.

Она делала это в седьмой раз за двенадцать московских лет.

За окном был конец октября. Не тот период, который бывает на картинках — с золотом и синим небом. Серый, мокрый, с запахом выхлопа и прелых листьев, которые дворники сгребали в кучи вдоль бордюров. Окно выходило во двор. Солнца не было уже неделю.

Таня работала.

Полки опустели быстро — книг было немного, она давно перестала покупать бумажные, незачем таскать. Одежда — аккуратными стопками, по сезонам. Кухня — сложнее, там всегда находилось то, про что забыла: початая пачка соли, какая-то приправа, купленная однажды для рецепта, который так и не приготовила.

На последней полке стояла чашка.

Белая, с едва заметным сколом на ручке. Таня взяла её,

собираясь завернуть в газету — и остановилась.

Она не помнила, откуда эта чашка.

Не помнила квартиры, не помнила магазина, не помнила, кто подарил или сама купила. Чашка, которая кочевала с ней из переезда в переезд, из чужой кухни в чужую кухню, где-то по дороге потеряла свою историю.

Таня поставила её на подоконник.

Села на пол прямо среди коробок — в костюмных брюках, в которых с утра была на встрече в банке, — и смотрела на эту чашку. За окном шёл дождь. Капли ползли по стеклу медленно, сливались, исчезали.

Двенадцать лет.

Семь квартир.

Она была старшим аналитиком. Потом ведущим. Потом руководителем направления. Коллеги уважали, начальство ценило, цифры сходились. Каждый год — новый уровень, новая зарплата, новый проект. Всё шло правильно, именно так, как должно идти у человека, который знает, чего хочет.

Только квартира всегда была чужой.

Сначала это казалось временным. Потом — разумным: зачем покупать, если работа может переехать, если город может надоест, если жизнь ещё не определилась. Потом временное и разумное стало привычным — как скол на ручке чашки, который перестаёшь замечать.

Она думала о квартире — о своей, московской, которой не было — примерно раз в год.

Обычно весной. Не знала, почему именно весной — может, потому что весной что-то просыпалось и начинало требовать. Определённости. Корней. Своего угла.

Первый раз — в двадцать девять лет. Зарплата выросла, накопления были, риелтор показал несколько вариантов. Она смотрела квартиры — заходила, оглядывалась, представляла. И каждый раз что-то останавливало. Не цена, не район. Что-то другое, внутри. Ощущение, что это — не то. Что если купить сейчас, здесь, вот это — значит это навсегда. Значит вот эти двадцать восемь метров с окном во двор и есть её жизнь. Окончательно. Без вариантов.

И она откладывала.

В тридцать два — снова. Рынок был хороший, коллега взял ипотеку, все вокруг брали. Она опять смотрела, опять думала. Опять находила причину подождать. Может переведут. Может захочется в другой район. Может вообще уехать из Москвы — почему нет.

В тридцать пять она уже не смотрела квартиры. Перестала — не решила, не объявила себе об этом, а именно перестала, без надрыва. Снимала — привычно. Платила каждый месяц за чужие стены и не думала об этом.

Теперь, сидя на полу среди коробок, она понимала — впервые, по-настоящему понимала — что дело было не в деньгах, и не в районе, и не в рынке.

Дело было в том, что она ждала.

Не квартиру ждала. Жизнь ждала — ту настоящую, кото-

рая вот-вот начнётся, надо только немного подождать. Купить квартиру значило признать, что жизнь уже идёт. Прямо сейчас.

А она всё ждала, когда начнётся настоящая.

Можно было вернуться домой.

Родители жили в трёх часах езды, в городе, где она выросла. Там был дом — настоящий, с садом, с запахом маминых пирогов по воскресеньям, с отцовским креслом у телевизора. Там всегда были бы рады.

Но вернуться в тридцать восемь лет — это было не возвращение. Это было признание. Двенадцать лет, семь квартир, правильные карьерные шаги — и она всё равно взрослая женщина на чемоданах.

Этого она себе позволить не могла.

Телефон завибрировал на полу рядом. Она посмотрела на экран — риелтор, новый вариант, хороший район, свежий ремонт, можно смотреть завтра.

Таня не взяла трубку.

Она сидела и смотрела на чашку. На дождь. На чужой двор за стеклом, где дворник в оранжевом жилете гнал листья куда-то в сторону мусорных баков, и листья не слушались, разлетались обратно, и он снова гнал их — методично, без злости, как будто это была бесконечная и единственно возможная работа.

Как я здесь снова оказалась.

Не вопрос. Слова, которые пришли сами — без интона-

ции, как констатация погоды.

Она не знала ответа.

Вернее, знала все ответы — рациональные, логичные, легко объяснимые на любой встрече с любым человеком. Но под этими ответами было что-то другое, тёмное и молчаливое, что жило в ней давно и чему она не давала имени.

Ощущение, что она живёт мимо себя.

Что где-то рядом идёт настоящая жизнь — с корнями, с запахом своих стен, с мужчиной, который знает, как она пьёт кофе по утрам, с пространством, которое помнит её — а она идёт параллельно, в красивом костюме, с правильными цифрами в голове, и никак не может туда попасть.

Дождь усилился.

Таня взяла чашку, завернула в газету — аккуратно, без спешки — и положила в коробку.

Встала. Отряхнула брюки.

Посмотрела на телефон. Риелтор звонил ещё раз.

Она убрала телефон в карман, не перезвонив, и вернулась к полкам — там ещё оставались вещи, которые нужно было упаковать, отнести, разобрать на новом месте, расставить по чужим полкам, привыкнуть к чужому окну.

Снова.

Глава вторая. Последний день перед отъездом

Уже спустя неделю она проснулась в новой квартире и не сразу вспомнила, где находится.

Это случалось каждый раз после переезда — первые несколько дней тело просыпалось раньше памяти. Лежишь в темноте, смотришь в потолок, и есть секунда — чистая, пустая — когда ты человек без адреса. Потом память догоняет: Таганская, третий этаж, окно на восток, батарея под подоконником гудит по ночам.

Она встала.

Коробки стояли вдоль стены — часть разобрана, часть нет. Она въехала семь дней назад и до сих пор не повесила ни одной картины. Не потому, что некогда — не хотелось вбивать гвоздь в чужую стену ради того, чтобы потом её штукатурить при выезде.

На кухне была только кофемашина, любимая кружка и три тарелки. Остальное ещё в коробках.

Она сварила кофе. Выпила стоя у окна — так быстрее, незачем садиться. За стеклом Москва собиралась на работу: внизу уже гудели машины, кто-то хлопнул подъездной дверью, голубь сел на карниз и тут же улетел.

Командировка была запланирована в пятницу.

Инта — она посмотрела на карте, когда пришло письмо от руководителя. Республика Коми, у Полярного круга. Сначала самолёт до Ухты — два часа, потом поезд ещё восемь. Раньше туда летали прямые рейсы из Москвы — когда город был городом шахтёров, когда шахты работали и людей было много. Теперь шахта обанкротилась, шахтёры разъехались с семьями, прямые рейсы отменили. Город стал дальше — не на карте, а по времени в дороге.

Очередная заурядная командировка, обычная рабочая история.

— Надолго? — спросила Лена из соседнего отдела, когда Таня оформляла командировочные.

— Две недели.

— Инта, — Лена произнесла это так, как произносят название болезни. — Это вообще где?

— Республика Коми.

— И зачем они туда едут?

Таня пожала плечами. Клиент там — значит, едем туда.

День прошёл, как всегда: совещание в десять, звонок в двенадцать, обед за рабочим столом, снова цифры, снова экран, снова кофе. В шесть она закрыла ноутбук, собрала сумку и вышла в московский вечер — тёмный уже в октябре, с мелким дождём и запахом мокрого асфальта.

В метро было тесно. Она стояла, держась за поручень, и смотрела на людей напротив. Женщина с пакетами из супермаркета. Мужчина в наушниках с закрытыми глазами. Де-

вочка лет семи, которая что-то рисовала в блокноте прямо в вагоне — серьёзно, не отвлекаясь на толчки и остановки.

Таня подумала: у этой девочки есть дом. Она едет домой. Там её ждут, там знают, что она любит на ужин, там её рисунок повесят на холодильник.

Она вышла на своей станции.

Дома она открыла чемодан и начала собираться. Тёплые вещи, термобельё, ботинки на серьёзной подошве. Коллега, который ездил в Коми три года назад, предупредил: там другой холод. Не московский, не влажный — сухой, чистый, который забирается под одежду иначе.

Она сложила всё аккуратно, застегнула чемодан.

Потом долго сидела на краю кровати и смотрела на коробки вдоль стены. На незанавешенное окно. На гвоздь, который она так и не вбила.

Две недели.

Она улетала завтра в семь утра и должна была вернуться через две недели — в эту же квартиру, к этим же коробкам, к этому же окну и стене без картины.

Всё будет точно так же.

Она легла, закрыла глаза.

За стеной ровно гудела батарея.

Глава третья. Инта

Таня вышла из самолёта в Ухте — маленький аэропорт, запах керосина и хвои, таксист с картонкой, на которой было написано её имя. Он отвёз её на вокзал, взял деньги, уехал.

До поезда было сорок минут.

Она купила чай в бумажном стакане и села на скамейку в зале ожидания. Вокзал был небольшой, тёплый, с высокими потолками и запахом, который она не сразу опознала — потом поняла: столовая где-то рядом, борщ и котлеты, настоящие, не доставочные.

Поезд пришёл точно по расписанию.

Она нашла своё купе, закинула чемодан, села у окна. За стеклом медленно потянулась темнота — не ночная ещё, а та особая северная темнота, которая приходит днём в октябре, когда солнце уходит рано и без предупреждения.

Попутчиков не было.

Она смотрела в окно — как мелькают деревья, редкие огни каких-то деревень, чёрная полоса реки. Телефон убрала в сумку — здесь почти не было сети, и это почему-то не раздражало. Наоборот.

* * *

Инта встретила её запахом мороза и скрипом снега под ногами.

Таня вышла на перрон — и остановилась.

Снег лежал уже везде. Не московский снег, который живёт день и превращается в грязную кашу, а настоящий, плотный, взявший город в аккуратные белые руки. Под ногами скрипело — чисто, сухо, как скрипит только очень холодный снег, которому некуда спешить таять.

Но не снег остановил её.

Небо.

Оно было лиловым. Не серым, не тёмно-синим — именно лиловым, таким глубоким и тихим, что она несколько секунд стояла и смотрела вверх, забыв про чемодан, про командировку, про то, что её кто-то должен встретить. Такого неба она не видела никогда. Оно было как что-то очень старое и очень живое одновременно — как будто здесь оно не менялось с тех пор, как земля была молодой.

— Татьяна Сергеевна!

Она опустила взгляд.

Перед ней стоял мужчина лет сорока пяти — невысокий, плотный, в тёмной куртке и шапке, надвинутой на лоб. Лицо открытое, с морозным румянцем.

— Да, — сказала она.

— Николай. Вас встречаю. — Он взял у неё чемодан так естественно, будто иначе и быть не могло. — Машина здесь, недалеко.

Они шли по перрону, и Таня смотрела по сторонам.

Вокзал был советский — с колоннами, крашенными в белый, с фигурными решётками на окнах, с той особой архи-

текстурной серьёзностью, которая говорила: здесь строили не на время. Рядом со входом стояла скамейка, на которой сидел старик в ватнике и кормил голубей — методично, горстями, как будто это было самое важное дело на сегодня. Голуби не боялись, толклись прямо у ног.

Она поняла, что улыбается.

Не вежливо, не для кого-то. Сама по себе.

Город открывался медленно, пока они ехали.

Она ожидала чего угодно — облупленных фасадов, разбитых дорог, того провинциального уныния, которое угадывается ещё до въезда. Инта была другой.

Пятиэтажки стояли крепкие, кирпичные — добротные, с широкими подъездными дверями и большими окнами. Не новые, но не сломленные. Такие дома строят, когда хотят, чтобы люди в них жили по-человечески, а не перебивались. На главной улице — сталинки с фасадами, украшенными лепниной, с высокими потолками, которые угадывались даже снаружи по пропорциям окон. Кто-то строил этот город с уважением. К людям, к месту, к труду.

Шахтёры жили здесь хорошо, подумала Таня. Это было видно.

Не в деньгах — в масштабе. В том, как широко были разбиты улицы, как много места было между домами, как стояли деревья — высокие, старые, в белых снеговых шапках. — Красиво, — сказала она негромко, почти себе. Николай посмотрел на неё в зеркало заднего вида.

— Красиво, — согласился он. Без удивления. Как соглашаются с очевидным.

Николай взял у неё чемодан у входа в гостиницу.

— Спасибо, Николай.

— Не за что. — Он помолчал секунду. Посмотрел на неё — коротко, без церемоний. — Вы как, понравилось?

— Город? — Таня удивилась вопросу. — Да. Неожиданно.

— Неожиданно — это хорошо, — сказал он. — Значит, не ждали. — Поставил чемодан у двери. — Ещё приедете — Интинкой станете.

Он сказал это буднично, как говорят очевидное. Развернулся и пошёл к машине.

Таня смотрела ему вслед.

Интинка.

Она не знала ещё, что это значит.

Гостиница была на главной улице — пятиэтажная, кирпичная, с советской вывеской и тяжёлыми деревянными дверями. Внутри пахло чистотой и чуть-чуть — деревом. За стойкой сидела женщина лет шестидесяти в вязаном жилете. Посмотрела на Таню — оценивающе, но без враждебности. Как смотрят на человека, которого видят впервые, но уже готовы принять.

— Из Москвы? — спросила она, листая журнал.

— Да.

— Надолго?

— Две недели.

Женщина кивнула, протянула ключ — настоящий, металлический, с деревянной грушей.

— Завтрак с семи до десяти. Если голодная — там вы можете найти буфет, — она показала куда-то в сторону коридора, — он ещё работает.

Номер был небольшой, чистый, с белыми занавесками и видом на улицу. Таня поставила чемодан, подошла к окну.

Небо над крышами всё ещё держало тот же глубокий оттенок — медленно светлело, нехотя. Внизу по улице шла женщина с авоськой, в пуховом платке, не торопясь. Навстречу ей — мужчина, они остановились, поговорили секунду, оба засмеялись чему-то и разошлись.

Два человека на улице.

Таня стояла у окна и думала: в Москве она не знала ни одного соседа. Ни одного.

Она открыла чемодан, достала тёплый свитер.

За окном Инта жила своей жизнью — неспешной, без объяснений. Снег лежал ровно.

Где-то в глубине города протяжно и низко загудел гудок. Звук прошёл сквозь стены, сквозь стекло, сквозь неё.

Она стояла и слушала, пока он не затих.

Раньше сюда летали самолёты из Москвы, подумала она. Когда город был нужен большому миру.

Теперь восемь часов на поезде, после двухчасового перелёта.

Она не знала ещё, почему эта мысль не печалит её — а

наоборот.

Глава четвёртая. Чудные люди

Отделение банка находилось в пятиэтажке на центральной улице — первый этаж, отдельный вход, вывеска над дверью. Таня пришла ровно в девять.

Внутри было тепло и немного тесно. Три операционных окна, очередь из четырёх человек, в углу — живой фикус в горшке, такой большой, что непонятно было, как он вообще сюда попал. На стене — стенд с информацией для клиентов, аккуратный, без единого оторванного уголка.

За стеклом одного из окон сидела девушка лет двадцати пяти и разговаривала с пожилой женщиной — медленно, терпеливо, объясняя что-то про перевод. Не казённо, не дежурно.

Таня остановилась у входа, огляделась.

— Татьяна Сергеевна?

Из боковой двери вышла женщина — лет пятидесяти, невысокая, в тёмном костюме, с короткой стрижкой и живыми серыми глазами. Протянула руку крепко, по-деловому.

— Галина Ивановна. Руководитель отделения. Добро пожаловать в Инту.

— Приятно познакомиться, Галина Ивановна. Спасибо.

Галина Ивановна чуть улыбнулась — как улыбаются люди, которые всё про тебя уже поняли, но не торопятся говорить вслух.

— Пойдёмте, покажу вам рабочее место. Кофе будете?

— Буду, — сказала Таня. — Спасибо.

Кабинет был небольшой — стол, два стула, окно на улице. На подоконнике стоял ещё один цветок, поменьше. Таня поставила сумку, достала ноутбук, огляделась профессионально: розетка есть, вай-фай есть, стол устойчивый. Работать можно.

Галина Ивановна принесла кофе — в настоящей чашке, не в одноразовой.

— Сколько человек на обучении? — спросила Таня, открывая ноутбук.

— Восемь. Все наши, местные. — Галина Ивановна села напротив. — Вы первый раз в Инте?

— Первый.

— Как добрались?

— Нормально. — Таня посмотрела на экран. — Поезд немного укачивает.

— Это да, — согласилась Галина Ивановна. — Мы уже привыкли. Восемь часов — это у нас просто съездить.

Таня кивнула и начала открывать рабочие файлы. Галина Ивановна не ушла — сидела, держала свою чашку, смотрела на неё без спешки.

— Вы надолго к нам? — спросила она.

— Две недели.

— А потом?

— Потом Москва.

— Конечно, — сказала Галина Ивановна. Не с обидой — констатация. — Все потом Москва.

Таня подняла взгляд.

— Вы сами местная?

— Родилась здесь. Сорок восемь лет назад. — Она сказала это ровно, без извинений. — Муж тоже отсюда. Дети вот уехали — один в Сыктывкар, второй в Питер. Внуки там.

— И вы остались.

— И я осталась, — подтвердила Галина Ивановна.

Таня хотела спросить — зачем, почему, как можно — но не спросила. Не потому, что неприлично, а потому что вопрос показался ей вдруг странным. Как будто это она должна объяснять, зачем уехала, а не Галина Ивановна — зачем осталась.

Она вернулась к экрану.

* * *

Обучение началось после обеда.

Восемь человек — семь женщин и один мужчина, все в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти пяти, все местные, смотрели на неё с той смесью вежливого внимания и скрытого любопытства, с которой смотрят на человека из другого мира.

Таня провела первый блок чётко, профессионально. Она умела это — объяснять сложное ясно, держать аудиторию, не терять темп. Москва научила.

В середине блока одна из женщин — полная, с добрым

лицом, в мягком свитере — подняла руку.

— Татьяна Сергеевна, можно вопрос не по теме?

— Можно.

— Вы первый раз у нас?

— Первый.

— И как вам?

Таня секунду помолчала.

— Работу мы только начали, — сказала она ровно. — Ещё преждевременно что-либо оценивать.

Женщина кивнула — без обиды, с той же мягкой улыбкой. Как будто ответ её вполне устроил.

После занятия Таня вышла на улицу — подышать, голова была тяжёлой от долгого экрана.

Октябрьский воздух ударил сразу — чистый, сухой, без единой примеси. Она остановилась у входа, подняла воротник.

Напротив, через улицу, стоял кирпичный дом — сталинский, с лепными деталями над окнами, с аркой во двор. Арка была широкая, тёмная, и из неё во двор выходила женщина с коляской — медленно, без суеты, как будто никуда не спешила и не собиралась. Из арки тянуло запахом подъезда — деревом, чуть сыростью, чем-то домашним.

Таня смотрела на этот дом и думала: квартира в таком доме в Москве стоила бы целое состояние. А здесь он просто стоял — спокойно, на своём месте, без всякого пафоса.

Чудно, подумала она.

Не вслух. Мысль пришла и ушла.

Она убрала руки в карманы и пошла обратно в отделение.

Работы было ещё на три часа.

Глава пятая. Две недели

Она привыкла к распорядку быстро.

Подъём в семь. Завтрак в гостиничном буфете — каша, яйцо, чашка чая. Буфетчица Люда, женщина лет сорока с негромким голосом и привычкой подкладывать лишний кусок хлеба, не спрашивая, приветливо встречала её по утрам.

В девять — отделение. Обучение шло по плану, люди схватывали быстрее, чем она ожидала. Не потому, что система несложная — потому что они старались. По-настоящему старались, без показухи. Записывали в тетради — в настоящие, бумажные, с ручкой. Таня не видела этого давно.

Один раз во время перерыва она вышла в коридор и услышала, как две сотрудницы разговаривают на кухне. Негромко, серьёзно — о чём-то своём. Потом одна засмеялась, и смех был такой открытый, без задней мысли, что Таня остановилась у двери и послушала секунду.

Затем вернулась обратно в кабинет.

* * *

На третий день Галина Ивановна пригласила её на обед — не в кафе, домой.

— Я всегда хожу обедать домой, — сказала она. — Живу в пяти минутах. Пойдёмте, если хотите. Борщ сварила с утра.

Таня хотела отказаться — у неё не было правила смешивать работу и личное, тем более в командировках. Но Галина

Ивановна уже надевала пальто, и в этом движении было что-то такое естественное, что отказ показался бы странным. Как отказаться от протянутой руки.

Они шли пять минут по заснеженной улице. Галина Ивановна шла уверенно, здоровалась с каждым встречным — коротко, по имени. Первой встретившейся женщине она кивнула, тому мужчине сказала два слова про что-то, третьего спросила про здоровье матери. Таня шла рядом и считала: семь человек за пять минут.

В Москве она не знала имени ни одного соседа.

Квартира была на втором этаже сталинки — высокие потолки, старый паркет, тяжёлые шторы. Пахло борщом и чем-то деревянным, домашним. На стене в прихожей висели фотографии — много, в разных рамках, без единого стиля, жизнь на стене.

— Раздевайтесь, — сказала Галина Ивановна. — Тапочки вот.

Таня надела тапочки — большие, мягкие, явно мужские.

— Мужа нет дома?

— На работе. Он в администрации. — Галина Ивановна уже гремела на кухне. — Садитесь, я сейчас.

Таня села за большой стол на кухне. Стол был накрыт не для гостей — по-домашнему: кремовая скатерть, хлеб в хлебнице, солонка. Всё это стояло здесь всегда, каждый день, не убиралось и не доставалось специально.

Галина Ивановна поставила перед ней тарелку борща.

Красного, густого, с белой ложкой сметаны посередине.

— Ешьте. Хлеб берите сами.

Таня взяла ложку.

Борщ был настоящим. Она не умела объяснить разницу — знала: вот настоящий, а вот не настоящий.

— Вкусно, — сказала она.

— Ну и хорошо, — ответила Галина Ивановна, садясь напротив.

Они ели, не разговаривая. Не неловко — как едят люди, которым не нужно заполнять паузы словами. За окном шёл снег. Где-то внизу хлопнула дверь подъезда.

— Вы скучаете по детям? — спросила Таня вдруг. — Они далеко.

Галина Ивановна подумала секунду.

— Скучаю. — Она отломилась хлеб. — Но они живут свою жизнь. Это правильно.

— И вас не обижает, что они уехали?

— Нет, — сказала она. — Они могут сами выбирать, как проживать свою жизнь.

Таня посмотрела на неё.

В этом ответе не было ни обиды, ни показного смирения, ни той особой материнской жертвенности, которую Таня видела у московских женщин её возраста — с надрывом, с претензией, завёрнутой в заботу. Просто факт.

Она снова взяла ложку.

* * *

За окном снег шёл ровно, без ветра.

На шестой день она пошла гулять.

Не по делу. Рабочий день закончился раньше обычного, до темноты оставалось меньше часа, и она поняла, что не хочет идти в гостиницу. Не потому, что там плохо — потому что хочется пройтись.

Это было странно. В Москве она никогда не гуляла без цели. Там ходьба всегда была про что-то — до метро, до кофейни, до встречи. Здесь — ходьба ради ходьбы. Город ради города.

Она пошла не по главной улице — свернула в переулок, потом ещё раз, туда, где дома стояли тише и ниже, где не было витрин и почти не было машин.

Инта в сумерках была другой.

Не парадной — домашней. Окна зажигались одно за другим — жёлтые, тёплые, у каждого своя жизнь внутри. Вот кухня — силуэт женщины у плиты, пар над кастрюлей. Вот детская — что-то яркое мелькнуло, ребёнок. Вот гостиная — двое за столом, склонились над чем-то, разговаривают.

Таня шла и смотрела на эти окна.

В Москве она тоже видела окна — сотни тысяч окон, миллионы. Но там они были фоном, декорацией большого города, частью пейзажа. Здесь каждое окно было отдельным. Конкретным. Она почти чувствовала запах из той кухни — суп, наверное, или жаркое.

Она остановилась у небольшого магазина — «Продукты»,

вывеска советская ещё по духу. Внутри горел свет. Она зашла.

Магазин был маленьким — три ряда полок, холодильник вдоль стены, кассирша в синем халате. За прилавком стояла женщина лет шестидесяти — круглая, с добрым лицом, в очках на кончике носа. Она разговаривала с покупателем — мужчиной в рабочей куртке — и смеялась над чем-то своим. Таня вошла, они оба посмотрели на неё — без настороженности — и продолжили разговор.

Она взяла корзинку. Прошла по рядам — без цели, смотрела. Консервы, крупы, макароны. В отдельном углу — рыба. Не расфасованная в вакуум — тушки, обёрнутые в бумагу, с ценниками от руки. Оленина в лотке — тёмная, плотная, с запахом, который она не могла опознать. Что-то северное, дикое.

— Первый раз у нас? — спросила кассирша.

Таня подняла взгляд. Женщина смотрела на неё — с любопытством, без навязчивости.

— Да. Командировка.

— Издалека?

— Из Москвы.

Кассирша кивнула — как кивают, когда это не удивляет.

— Вы надолго к нам?

— Две недели.

— Мало, — сказала кассирша. Без жалости. — Инту за две недели не поймёшь.

— А за сколько поймёшь?

Женщина подумала.

— По-разному, — сказала она. — Некоторые приезжают и сразу понимают. Некоторые живут годами и не понимают. — Она пожала плечами. — Зависит не от времени.

— А от чего?

Она посмотрела на Таню — внимательно, как смотрят, когда хотят понять человека, а не ответить на вопрос.

— От того, умеет ли человек останавливаться, — сказала она наконец. — Вот так — стоять и смотреть. Без телефона, без дела. — Пауза. — У нас так живут. Медленно.

Таня взяла с полки банку варенья — брусничного — и пошла к кассе. Положила на ленту.

— Хорошее варенье, — сказала кассирша. — Сама собирала, соседка моя. Она каждое лето ездит.

— Далеко?

— Часа три на машине. Там её место, она его не говорит никому. — Женщина пробила чек, улыбнулась. — Секрет семьи.

Таня взяла варенье, вышла.

На улице уже стемнело по-настоящему. Она постояла секунду — банка в руке, холодный воздух, запах снега.

Она пошла обратно в гостиницу — не торопясь, по другой улице. Смотрела на окна. Слушала, как скрипит снег.

В гостинице Люда спросила:

— Гуляли?

— Гуляла.

— Хорошо, — сказала Люда. Как будто это было именно то, что нужно было сделать.

Таня поднялась в номер.

Открыла банку варенья и попробовала немного ложкой.

Брусника была кислой, живой, с привкусом чего-то дико-го. Не такой, как в московских магазинах — там варенье было сладким и ровным, одинаковым. Это было совсем другим. В нём была погода, и лето, и чьё-то тайное место в тундре.

Она поставила банку на подоконник.

За окном Инта засыпала — медленно, без спешки.

Она попробовала — прямо сейчас, сидя у окна — не делать ничего. Смотреть на тёмную улицу, на редкие фонари, на снег, который шёл без ветра.

Сколько она так просидела — не знала.

Потом взяла телефон — он лежал на кровати, непривычно молчаливый весь вечер. Несколько рабочих писем, ничего срочного.

Она убрала его обратно.

И снова посмотрела в окно.

* * *

На десятый день она заблудилась.

Не сильно — свернула не туда после работы, решила пройтись другой дорогой, и кварталы оказались незнакомыми. Она остановилась на перекрёстке, достала телефон — сеть была слабой, карта грузилась медленно.

— Вам помочь?

Она обернулась.

Мужчина — высокий, в тёмной куртке, шапка надвинута на лоб. Лицо спокойное, открытое. Она видела его раньше — он заходил в отделение один раз, что-то подписывал у Галины Ивановны. Она не запомнила имени.

— Я ищу гостиницу, — сказала она.

— Это туда, — он показал рукой. — Три квартала прямо, потом направо.

— Спасибо.

Она пошла.

Он не окликнул, не предложил проводить. Показал дорогу и остался стоять на перекрёстке.

Она дошла до гостиницы, поднялась в номер, открыла ноутбук.

До конца командировки оставалось четыре дня.

Глава шестая. Анатолий

Он просыпался в шесть.

Не по будильнику — просто в шесть. Тело знало. Зимой в шесть темно, летом уже светло, осенью — как сегодня — между тем и другим, серое молоко за окном, которое не торопится стать ни днём, ни ночью.

Он встал. Оделся. На кухне поставил чайник — тот же, что всегда, синий, с отбитой эмалью на ручке. Пока тот грелся, он постоял у окна.

Его окно выходило во двор. Небольшой, с тополями, с деревянной лавочкой у подъезда, которую поставили ещё при советской власти и с тех пор не трогали. Лавочка была крепкая — из толстых досок, с железными ножками. Летом на ней сидела Нина Васильевна с третьего этажа и лушила семечки. Сейчас лавочка стояла пустая, в снегу.

Анатолий смотрел на неё.

Он знал эту лавочку тридцать лет — и двор, и подъезд, каждый звук, каждый скрип. Знал, как пахнет зимой в первом подъезде — там Степановы жгут что-то в печке — и как пахнет в третьем, где живёт старый Семёныч с кошками.

Он знал этот город весь.

Не как турист знает — как знают своё тело. Без слов, без карты, просто чувствуешь, где что.

Чайник закипел. Он налил кружку, взял куртку, вышел.

* * *

Утром город принадлежал немногим.

Пекарня на Советской улице открывалась в шесть тридцать — он иногда заходил за хлебом, если не было дома. Валентина — хозяйка, сорок лет за прилавком — здоровалась без слов, кивала и заворачивала буханку. Они не разговаривали — не потому, что не о чём, оба понимали: утро это утро.

Он шёл по главной улице.

Дворник Гриша чистил тротуар у администрации — методично, от угла к углу. Они кивнули друг другу. Анатолий знал Гришу двадцать лет, знал, что он пьёт только по пятницам и только пиво, что у него есть дочь в Сыктывкаре, которая не звонит, что метлу он держит левой рукой, потому что правая плохо сгибается после давней травмы.

Это была его работа — знать людей. И не только работа.

Он свернул в переулок.

Здесь стояли старые деревянные дома — их осталось немного. Тёмное дерево, резные наличники. Один из них — крайний, с заколоченными окнами — должны были снести весной. Анатолий останавливался у него каждый раз, когда проходил мимо. Не потому, что жалко — хотя и жалко. Он помнил этот дом живым. Помнил, как в нём горел свет, как из трубы шёл дым, как у калитки стояла старуха Матрёна и смотрела на улицу — всегда смотрела, как будто ждала кого-то, хотя ждать было уже некого.

Матрёна умерла три года назад. Дом закрыли, свет погас.

Он постоял секунду. Пошёл дальше.

* * *

В дежурной части его ждал Витька — молодой, недавно после учёбы, ещё не привыкший к тому, что в Инте все всех знают.

— Анатолий Петрович, — сказал он, — там на Лесной опять собака бегают. Соседи жалуются.

— Чья собака?

— Неизвестно.

— Рыжая? Большая?

Витька удивился.

— Рыжая, да.

— Это Буранова собака. Он в больнице третью неделю. Сестра должна была забрать. — Анатолий взял телефон. — Сейчас позвоню.

Витька смотрел на него.

— Вы всех знаете, — сказал он. Не с удивлением — с чем-то другим. Похожим на уважение.

— Не всех, — сказал Анатолий. — Но многих.

— Как?

Анатолий думал секунду.

— Живёшь долго в одном месте — знаешь, — сказал он. — Смотришь. Запоминаешь.

Витька кивнул — как кивают, когда ответ понял, но не до конца.

Анатолий набрал номер Бурановой сестры. Договорился.

Положил трубку.

За окном дежурной части был виден кусок улицы — пятиэтажка напротив, берёза у угла, кусок неба. Небо сегодня было низким, тяжёлым, обещало снег к вечеру.

Он знал этот кусок неба. Знал, как оно выглядит перед снегом, перед морозом, перед оттепелью. Небо над Интой было разным — он умел его читать.

Снег будет к четырём.

* * *

В обед он шёл мимо гостиницы.

Не специально — дорога шла мимо. Он проходил тут каждый день, дважды в день — утром и вечером, потому что участок включал эту улицу.

Сегодня он замедлил шаг.

Не знал зачем.

У входа в гостиницу стояла машина со знакомыми номерами — та самая, которую он видел три дня назад. Машина Николая. Значит она ещё здесь.

Он прошёл.

Остановился через квартал.

Посмотрел на небо.

Низкое, серое. Снег будет к четырём.

Он не думал о ней — отметил, что она здесь. Как отмечают любой факт. Приехала женщина из Москвы, работает в банке, уедет через несколько дней. Таких было немного — раньше больше, сейчас меньше. Город стал дальше от боль-

шого мира.

Он пошёл дальше по своему маршруту.

У Семёновых опять не убрано крыльцо — надо сказать Петру. У Кузьминых собака лает весь день, это уже второй раз за неделю. На перекрёстке у магазина лёд — кто-то вылил воду, и она замёрзла, надо чтобы посыпали.

Он всё замечал.

Это была не работа — это был способ жить. Он не умел иначе.

* * *

Вечером он сидел у себя на кухне.

Хорошо было. Тихо.

Он любил эту тишину — вечернюю, домашнюю, когда город снаружи засыпал и оставался только звук батареи и иногда — чьи-то шаги в подъезде, и ты знаешь чьи, потому что у каждого свой шаг.

Это были шаги соседа сверху — Михалыча, он всегда возвращается в половине девятого, покупает хлеб в угловом.

Анатолий взял кружку.

Смотрел в окно — в тот же двор, что утром. Лавочка в снегу. Тополь. Темнота над крышами.

Он жил в этой квартире десять лет. С тех пор как развёлся. После Артёма.

Он не думал про Артёма каждый день — раньше думал, теперь нет. Теперь иногда. Когда видел мальчика похожего возраста, или когда приходил на реку. Или, когда вырезал

медведя — руки помнили то, что голова старалась не держать.

Три года. Три года было Артёму.

Анатолий поставил кружку.

Встал. Подошёл к верстаку в углу — у него в квартире был небольшой верстак, он сделал сам, из досок. Там лежала заготовка — кусок сосны, из которого уже угадывался медведь. Он взял нож. Сел.

Работал.

Стружка падала на газету, которую он подстелил. Нож шёл вдоль волокна — там, где дерево хотело, не там, где он хотел. Это было главное, что он понял за годы — не бороться с деревом, идти с ним.

Медведь проявлялся постепенно.

Круглая спина. Уши — маленькие, чуть торчащие. Лапы пока только угадывались.

За окном падал снег — он угадал, к четырём.

Тихо.

Хорошо.

Он работал, не думая ни о чём — нож и дерево, и тишина вокруг. Это тоже был способ жить. Может быть главный.

Медведь смотрел на него деревянными глазами — терпеливо.

Анатолий работал.

За окном шёл снег.

Глава седьмая. Москва

Москва встретила её пробками.

Таня ехала в такси из Внуково и смотрела в окно на знакомый пейзаж — развязки, рекламные щиты, серые здания вдоль шоссе. Телефон уже вибрировал непрерывно — сообщения, письма, пропущенные звонки за две недели накопились в длинную очередь.

Она убрала телефон.

Квартира была такой же — коробки вдоль стены, незанавешенное окно, гвоздь, который она так и не вбила. Всё точно так же. Как будто она не уезжала.

Она поставила чемодан. Прошла на кухню. Включила чайник.

Пока он грелся, стояла у окна и смотрела во двор-колодец. Серый, мокрый, с одним деревом у стены — голым уже, чёрным.

Всё правильно, сказала она себе. Ты вернулась. Всё нормально.

Чайник закипел.

Она налила кипятка в кружку — ту самую, белую, со сколом на ручке — и вдруг подумала: в Инте Люда ставила чайник, не спрашивая. Видела, что человек пришёл — и ставила.

Она отпила чай.

Вкус был никакой.

* * *

Прошла неделя.

Работа сразу захватила всё её внимание — совещания, отчёты, новый проект, письма, на которые надо было ответить ещё две недели назад. Таня работала плотно, без пауз, как умела. Всё шло правильно.

Только по вечерам что-то было не так.

Она не сразу поняла, что. Замечала — сидит за ноутбуком, смотрит в экран, и вдруг мысль, откуда-то сбоку, незваная: а сейчас в Инте уже темно. Полярная ночь берёт своё, Галина Ивановна возвращается с работы домой, Люда раскладывает что-то на противень.

Она возвращалась к экрану.

Через несколько дней в метро стояла в вагоне и смотрела на людей. Все в телефонах, все в наушниках, все отдельно — стекло между людьми, невидимое, но плотное. Никто ни с кем. Никто никому.

Она вспомнила, как Галина Ивановна шла пять минут до дома и поздоровалась с семьёю людьми по имени.

Семь человек за пять минут.

Она вышла на своей станции и долго стояла на эскалаторе, глядя в никуда.

* * *

Через две недели после возвращения она поймала себя на том, что думает о нём.

Не романтично — вспомнила. Перекрёсток, тёмная куртка, рука, показывающая направление. Три квартала прямо, потом направо. Он не предложил проводить. Показал дорогу и остался стоять.

Она убрала мысль и открыла рабочий файл.

Но мысль вернулась вечером. И на следующий день. И ещё через день.

Не он конкретно — что-то в нём. Что-то в том, как он стоял на перекрёстке. Ровно, никуда не торопясь, без лишнего.

Она не умела назвать это словом.

* * *

Письмо от руководителя пришло в четверг.

«Татьяна, есть необходимость повторного выезда в Инту. Система даёт сбой, местный персонал не справляется. Вы свободны на следующей неделе?»

Она прочитала письмо дважды.

Потом написала ответ — коротко, по-деловому: «Да, могу выехать в понедельник».

Отправила. Закрыла ноутбук.

Встала, прошла на кухню, поставила чайник.

И только там, стоя у окна и глядя в серый московский двор, позволила себе то, что держала весь день — негромкую, почти детскую радость. Не потому, что интересная задача. Не потому, что хорошие командировочные.

Потому что она возвращалась — к глубокому северному небу, к Люде с пирожками, к городу, который остался собой,

когда все вокруг менялись.

И ещё — она не призналась себе в этом до конца, только почувствовала где-то на краю сознания — к перекрёстку. К человеку в тёмной куртке, который показал дорогу и не попросил ничего взамен.

Чайник закипел.

Она улыбнулась. Никому.

Глава восьмая. Второй приезд

Поезд пришёл в шесть утра.

Таня вышла на перрон — и остановилась на секунду. Без причины. Вдохнула.

Воздух был тот же — чистый, сухой, с морозом, который не давит, а держит. Снег лежал плотнее, чем в прошлый раз, небо было тёмным ещё — полярная ночь взяла своё, рассвет приходил поздно и ненадолго.

Николай стоял у машины с той же невозмутимостью, с которой встречал её в первый раз.

— Приехали, — сказал он. Не вопрос — констатация.

— Приехала, — ответила она.

Они ехали молча. Таня смотрела в окно на знакомые улицы — кирпичные пятиэтажки, сталинки с тёмными арками, фонари вдоль дороги. Всё то же самое. Как будто она не уезжала.

Гостиница встретила её запахом дерева и тепла.

За стойкой сидела та же женщина в вязаном жилете. Посмотрела на Таню — и кивнула, как кивают знакомому.

— Вернулись.

— Вернулась.

Женщина достала ключ — тот же номер, третий этаж — и протянула через стойку.

— Люда с утра спрашивала, будете ли вы на завтраке.

Таня взяла ключ.

— Буду, — сказала она.

* * *

В отделении её ждал сюрприз.

Система действительно давала сбои — не критичные, но регулярные, в одном и том же месте. Таня разобралась за первые два часа: ошибка была в настройках, которые она сама же и делала в прошлый раз. Небольшая, легко исправимая.

Она могла уехать уже через три дня.

Галина Ивановна смотрела на неё через стол.

— Разобрались?

— Да. Это несложно.

— Хорошо. — Галина Ивановна помолчала. — Значит, у вас будет время.

— Какое время?

— Время, — сказала Галина Ивановна. — Здесь не обязательно всегда работать.

Таня открыла рот — и закрыла. Фраза была странной. В её мире время всегда было под что-то — под задачу, под встречу, под результат. Время само по себе не существовало.

— Я посмотрю по ситуации, — сказала она наконец.

Галина Ивановна кивнула с той же полуулыбкой, что и в первый день.

* * *

Анатолий появился на следующее утро.

Таня шла из гостиницы в отделение — привычным уже маршрутом, три квартала прямо — когда увидела его у подъезда соседнего дома. Он стоял и разговаривал с пожилой женщиной в тёплом платке — та что-то объясняла, показывала руками, он слушал внимательно, не перебивая. Форма была простая, без пафоса. Лицо — то самое, спокойное, открытое.

Она бы просто прошла мимо, но он поднял взгляд.

— Доброе утро, — сказал он. — Снова приехали.

— Доброе. — Она остановилась. — Вы меня помните?

— Помню. Я всех помню.

Пожилая женщина посмотрела на Таню с любопытством — открытым, без стеснения, как смотрят дети и очень честные люди.

— Это к нам приехала? — спросила она Анатолия.

— В банк, — сказал он.

— А, — женщина кивнула удовлетворённо, как будто это объясняло всё. — Из Москвы, наверное?

— Из Москвы, — подтвердила Таня.

— Холодно у нас? — спросила женщина.

— Нет. Нормально.

— Вот и хорошо, — сказала женщина и снова повернулась к Анатолию, продолжая объяснять что-то про соседа с третьего этажа.

Таня пошла дальше.

На полдороге поймала себя на том, что думает о нём —

о том, как он стоял и слушал эту женщину. Терпеливо, всем телом, как будто у него не было ничего важнее этого разговора.

В Москве так не слушают, подумала она.

И тут же одёрнула себя.

Хватит сравнивать.

Глава девятая. Телефон

Она хватилась телефона в половине седьмого вечера.

Спустилась к Галине Ивановне — та позвала на чай, они сидели внизу минут сорок. Потом поднялась обратно.

Телефона не было.

Она перевернула всё. Чемодан, сумку, постель, куртку, карманы. Заглянула под кровать, за тумбочку, между стеной и батареей. Прошла по номеру три раза, методично, как обыскивают место преступления.

Ничего.

Она села на кровать.

Телефон был рабочий — с документами, с перепиской, с доступами к системам банка. Не просто телефон. Полжизни в одном устройстве, как у всех.

Она встала, спустилась на ресепшн.

— У меня пропал телефон, — сказала она женщине в вязаном жилете. — Из номера.

Женщина посмотрела на неё — серьёзно, без суеты.

— Когда хватились?

— Только что. Был на тумбочке, я спускалась к Галине Ивановне на чай, вернулась — нет.

— Дверь закрывали?

Таня остановилась.

Она не закрывала. Вышла — на сорок минут, к знакомому

человеку, в гостинице, в маленьком городе. В Москве она запирала дверь даже когда выходила выбросить мусор. Здесь — не подумала.

— Нет, — сказала она.

Женщина кивнула — без осуждения, приняла информацию.

— Сейчас позвоним Анатолию Петровичу.

— Это обязательно? — Таня не знала, почему спросила это. Может, потому что участковый казался ей избыточным для пропавшего телефона. Может, потому что в Москве она бы написала заявление в полицию онлайн и получила бы отписку через две недели.

— Он разберётся, — сказала женщина и потянулась к телефону на стойке.

* * *

Анатолий пришёл через пятнадцать минут.

Таня ждала в холле. Он вошёл — в форме, без спешки — и сразу посмотрел на неё.

— Рассказывайте.

Она рассказала — коротко, по делу. Когда был, когда исчез, где лежал, что делала в это время.

Он слушал не перебивая. Потом задал два вопроса — дверь закрывала, окно открывала. Нет и нет.

— Хорошо, — сказал он. — Подождите здесь.

— Вы куда? — спросила она.

— Разберусь, — сказал он. Так же, как женщина на ре-

сепши. Как будто это было очевидно.

Он ушёл.

Таня осталась в холле. Села в кресло у окна. За стеклом была тёмная улица, фонари, снег. Она смотрела в окно и думала: ну вот. Она расслабилась, перестала контролировать — и сразу. Всё правильно. Люди везде одинаковые. Здесь они улыбаются добрее, когда берут чужое.

Она достала планшет — хорошо, что взяла с собой — и начала менять пароли. Рабочая почта, банковские приложения, всё подряд. Методично, без паники, как учили на корпоративных тренингах по информационной безопасности.

Прошло сорок минут.

Потом час.

Она уже почти дописала заявление в службу безопасности банка, когда в холл вошёл Анатолий.

За ним шёл мальчик.

Лет шестнадцати — невысокий, худой, в куртке не по размеру, с красными ушами и взглядом человека, которому очень стыдно и который не знает, куда деть руки. В одной руке он держал телефон.

Анатолий остановился перед Таней.

— Вот, — сказал он.

Мальчик шагнул вперёд и протянул телефон — двумя руками, как протягивают что-то хрупкое.

— Я... — он начал и запнулся. Сглотнул. — Я взял. — Пауза. — Ну... это... неправильно было. — Голос был тихий,

уши красные. — Простите.

Таня смотрела на него.

Она ждала чего угодно — оправданий, мычания, взгляда исподлобья. Московские подростки, которых она видела в похожих ситуациях — в метро, в магазинах — смотрели либо дерзко, либо в пол, но никогда вот так. Прямо, негромко, с этим красным лицом и настоящим, незастрахованным стыдом.

— Зачем? — спросила она.

Мальчик помолчал.

— Хотел продать, — сказал он честно. — Деньги нужны были.

— На что?

— На подарок маме. День рождения послезавтра.

Таня смотрела на него долго.

За спиной мальчика стоял Анатолий — не вмешиваясь. Был рядом. Как стена, которая не давит, но держит.

— Как тебя зовут? — спросила она наконец.

— Серёжа.

Она взяла телефон. Проверила — всё было на месте, даже экран не поцарапан.

— Серёжа, — сказала она. — Я тебя прощаю.

Мальчик поднял на неё взгляд — как будто не поверил.

— Правда?

— Правда. — Она помолчала. — Но больше так не делай. Не потому, что поймают. А потому что ты подросток, а не

вор.

Не знала, зачем сказала последнее. Вырвалось.

Мальчик кивнул — серьёзно, как кивают, когда дают обещание, а не когда просто соглашаются. Потом посмотрел на Анатолия. Тот коротко кивнул в сторону двери — иди.

Серёжа ушёл.

В холле стало тихо.

Таня смотрела на телефон в своей руке. Потом подняла взгляд на Анатолия.

— Как вы так быстро? — спросила она.

— Я его знаю, — сказал он. — Знаю, где живёт, знаю мать, знаю, что сейчас трудно у них. — Он помолчал. — Он не плохой. Растёт без отца и иногда не туда сворачивает.

— И вы всех здесь так знаете?

— Всех, — сказал он. Без хвастовства — факт. — Это моя работа.

Таня смотрела на него.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что, — ответил Анатолий. — Дверь закрывайте.

Он сказал это без упрёка — как напоминание. Как говорят очевидное, не ожидая реакции.

Повернулся и пошёл к выходу.

— Анатолий Петрович, — окликнула она.

Он остановился.

— Вы всегда так работаете? — спросила она. — Без протоколов, без заявлений — пошёл и нашёл?

Он подумал секунду.

— Протокол завтра составим, если нужно, — сказал он.

— Но мальчику важнее было сегодня. Пока не остыло.

Он ушёл.

Таня осталась стоять в холле с телефоном в руке.

За окном шёл снег — ровный, без ветра.

Она думала про «пока не остыло» — про то, как он это сказал. Не как методику, не как принцип. Как очевидную вещь, которую все должны понимать.

Поднялась в номер. Закрыла дверь — на ключ, щёлкнула замком.

Села на кровать.

Никакой химии, сказала она себе снова.

Но что-то в ней уже знало, что это неправда.

Глава десятая. Она со мной

Жаловаться она начала на третий день после истории с телефоном.

Не вслух — Галина Ивановна спросила за чаем, как она устроилась, всё ли нравится, и Таня сказала то, что думала: кухня в гостинице простоватая, столовая на соседней улице — советский общепит в чистом виде, в кафе напротив банка подают один и тот же суп каждый день.

Галина Ивановна слушала внимательно.

— В каком кафе? — спросила она.

— Там, напротив. С синей вывеской.

Галина Ивановна покачала головой.

— Туда только командировочные ходят. — Она помолчала. — Вы попросите Анатолия Петровича, он вам расскажет, куда лучше.

— Участкового? — Таня не скрыла удивления.

— Он здесь всё знает, — сказала Галина Ивановна. — Всё и всех.

* * *

Анатолий зашёл в отделение на следующий день — по какому-то своему делу, подписать что-то. Таня перехватила его у выхода.

— Галина Ивановна говорит, вы знаете, где здесь нормально поесть.

Он остановился. Посмотрел на неё — с той же ровной внимательностью, с которой смотрел всегда.

— Что значит нормально?

— Не столовая. Что-нибудь... — она не договорила, потому что поняла, что звучит как сноб. — Хочется поесть по-человечески.

— В столовой тоже по-человечески, — сказал он без обиды. — Но, если хотите другое — есть место. Улица Горького, дом четыре. Там Надежда готовит. Скажите, что от меня.

— Это ресторан?

— Это кафе, — сказал он. — Но готовят хорошо.

Он ушёл.

* * *

Улица Горького, дом четыре оказался небольшим зданием с деревянной вывеской — просто «Кафе», без названия. Внутри было тепло и пахло чем-то мясным и травяным одновременно.

Таня вошла — и остановилась.

Все столики были заняты.

Не просто заняты — полны. Шумные компании, семьи с детьми, двое пожилых мужчин в углу с шахматной доской между тарелками. Официантка — молодая девушка в простом фартуке — неслась между столиками с подносом.

Таня стояла у входа и не знала, что делать.

В Москве она бы открыла приложение и нашла другой ресторан. Здесь другого ресторана не было.

— Татьяна Сергеевна.

Голос был знакомый.

Она повернулась.

Анатолий сидел за большим столом у окна — в гражданском, в тёмном свитере крупной вязки, мягком, домашнем. Рядом с ним ещё четверо — двое мужчин примерно его возраста и две женщины, все с едой, все в середине какого-то разговора, который они прервали, чтобы посмотреть на неё.

Он увидел её растерянное выражение лица — и сразу, без паузы, повернулся к официантке.

— Маша, принеси стул, она со мной.

Маша уже несла стул.

Таня хотела сказать: не нужно, я найду другое место, не хочу мешать. Но стул уже стоял рядом со столом, и все смотрели на неё с той открытой доброжелательностью, от которой неловко отказываться.

Она села.

— Это Татьяна, — сказал Анатолий своим друзьям. — Из Москвы, в банке работает.

— Таня, — поправила она автоматически.

— Таня, — повторил он. И представил остальных — Сергей, Виктор, Люба, Ира. Четыре имени, четыре лица, все смотрят на неё открыто, без оценки.

Маша поставила перед ней меню — ламинированный лист, всего несколько позиций.

— Борщ возьмите, — сказал Анатолий. — И котлеты по-

домашнему. Надежда с утра делала. Рекомендую.

* * *

Первые несколько минут она не знала, куда смотреть.

За столом говорили все сразу — перебивали друг друга, смеялись, возвращались к начатой теме, снова уходили в сторону. Сергей рассказывал что-то про машину, которая не завелась в мороз. Люба возражала — надо было слушать механика и менять аккумулятор ещё в сентябре. Виктор смеялся. Ира подкладывала всем хлеб.

Таня сидела и ела борщ.

Борщ был настоящим. Лучше, чем у Галины Ивановны, хотя она бы не сказала этого вслух.

— Вкусно? — спросила Ира.

— Очень, — сказала Таня.

— Надежда умеет, — кивнула Ира с гордостью, как будто Надежда была её родственницей.

— Вы давно в Инте? — спросил Сергей.

— Второй раз приехала. Первый раз две недели была.

— И как вам?

Таня подняла взгляд. Они все смотрели на неё — искренне, без подвоха, интересовались.

— Необычно, — сказала она честно.

— Это потому, что вы из Москвы, — сказал Виктор. — У вас там все торопятя.

— У нас тоже торопятя, — заметила Люба. — На рыбалку торопятя, на охоту торопятя.

Все засмеялись. Таня тоже засмеялась — неожиданно для себя.

Она не помнила, когда последний раз смеялась за столом с людьми. Не над чем-то умным, не над профессиональной шуткой — над обычной фразой обычного человека.

Анатолий сидел напротив и ел котлеты. В свитере он был другим — не участковый, не человек в форме. Мужчина за столом с друзьями. Тёплый, свой на этом месте — как свитер, как этот стол, как запах из кухни.

Он не флиртовал. Не старался произвести впечатление. Освободил ей место и продолжил свой ужин.

Таня посмотрела на него — и он как раз поднял взгляд.

— Как вам котлеты? — спросил он.

— Хорошие, — сказала она.

— Я же говорил, — сказал он. И снова опустил взгляд в тарелку.

Но сидеть здесь — среди этого шума, этих людей, этого тепла — было так хорошо, что она не торопилась уходить. Сидела. Ела котлеты. Слушала, как Сергей заканчивает историю про машину.

В Москве она ела одна.

Всегда одна.

За рабочим столом, в хорошем ресторане с книгой, в кафе с ноутбуком. Одиночество за едой стало таким привычным, что она перестала его замечать. Норма, удобно, эффективно, никто не отвлекает.

Сейчас её отвлекали все и сразу.

И это было хорошо. Странно хорошо. Так хорошо, что было немного страшно.

Она взяла кусок хлеба — не потому что хотела, а потому что Ира снова подкладывала всем — и подумала: вот оно.

Вот чего ей не хватало.

Не города, не пейзажа, не неба над чужим перроном.

Стола. Людей рядом.

Глава одиннадцатая.

Полярная ночь

Они вышли вместе — она не планировала, так получилось.

Компания расходилась шумно, долго, с разговорами в дверях, с обещаниями созвониться и встретиться в субботу. Люба обняла Таню на прощание — крепко, по-настоящему, как будто они знали друг друга годами, а не познакомились час назад за борщом. Таня не успела удивиться — обняла в ответ.

На улице было темно.

Не вечерняя темнота — другая. Полярная. Глухая, плотная, без просветов. Фонари стояли вдоль дороги оранжевыми пятнами, но между ними темнота была абсолютной — такой, в которую можно войти и раствориться.

Небо было почти фиолетовым у горизонта, с розовым краем там, где город отбрасывал свет вверх. Небо висело низко, близко, как потолок огромной комнаты.

Она остановилась у выхода из кафе и подняла голову.

— Красиво, — сказала она вслух — не для кого-то.

— Да, — сказал Анатолий рядом.

Она не заметила, что он стоит рядом.

— Вы всегда так ходите? — спросила она. — Молча по-

являетесь.

— Я не появлялся, — сказал он. — Просто стою.

Начинался снег — мелкий, сухой, не московский. Он не падал, а летел горизонтально, в свете фонаря был виден как тонкая белая рябь.

— Вам в какую сторону? — спросил Анатолий.

— В гостиницу. Улица Мира.

— Мне по пути, — сказал он. — Пойдёмте.

Она хотела сказать: не нужно, я дойду сама, три квартала, не заблужусь. Но он уже шёл, и она пошла рядом.

* * *

Они шли, не разговаривая.

Не неловко — так. Снег усиливался, вьюга поднималась от земли, забиралась в рукава, в воротник. Таня подняла капюшон. Анатолий шёл ровно, не торопясь, как ходят люди, которые не воюют с погодой, а живут в ней.

На перекрёстке она остановилась — посмотрела на небо снова.

Там, где розовый переходил в тёмное, небо было таким тихим и таким огромным, что у неё перехватило дыхание.

— Это всегда так? — спросила она.

— Зимой — да, — сказал он. — Привыкаешь. Но не до конца.

— Как это — привыкаешь, но не до конца?

Он подумал.

— Ну вот живёшь здесь сорок лет, — сказал он. — И каж-

дую зиму выходишь на улицу в такую ночь — и всё равно останавливаешься. Не каждый раз. Но останавливаешься.

Они пошли дальше.

Вьюга усилилась — снег теперь летел почти горизонтально, фонари мигали в нём размытыми пятнами. Улица была пустой. Весь город, казалось, ушёл внутрь — за тёплые стены, к своим столам, к своим людям.

Таня подумала: в Инте сейчас все дома. У каждого есть куда прийти. У каждого есть кто-то, кто ждёт.

Мысль пришла без предупреждения — но с той особой болью, которая бывает, когда понимаешь что-то, что давно знал, но не давал себе назвать.

У неё не было никого, кто ждал.

Не было человека, которому она напишет сейчас — дошла, всё хорошо. Не было голоса в трубке, который скажет: холодно там у тебя, оденься теплее. Не было рук, в которые можно прийти из этой темноты и этой вьюги.

Карьера, квартиры, правильные решения.

И никого.

Она шла и смотрела под ноги — на снег, на свои следы, которые вьюга заметала сразу за ней, — и думала: как я позволила этому случиться. Не упрёк — удивление. Холодное, как этот воздух.

— Вы часто бываете одна? — спросил Анатолий.

Она подняла взгляд.

— Просто спрашиваю, — сказал он без праздного интере-

са — без того московского интереса, за которым всегда что-то стоит.

Она помолчала.

— Всегда, — сказала она наконец.

Он не ответил. Не сказал: это плохо, это хорошо, как же так, надо что-то менять. Принял — как принимают погоду. Она сказала, он услышал.

Они дошли до гостиницы.

Анатолий остановился у входа.

— Пришли, — сказал он.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо, что проводили.

— Не за что.

Он не сделал шага навстречу. Не потянулся, не намекнул, не задержался дольше нужного. Стоял — в своём свитере под расстёгнутой курткой, со снегом на плечах.

— Завтра выюга сильнее будет, — сказал он. — Оденьтесь теплее.

— Хорошо, — сказала она.

Он кивнул и пошёл обратно в темноту. Она смотрела, как его силуэт растворяется в снегу — ровный, неторопливый, свой в этой ночи.

Она зашла в гостиницу.

В холле было тепло. Женщина на ресепшн подняла глаза.

— Холодно на улице?

— Холодно, — сказала Таня.

— Чай поставить?

Таня остановилась.

— Да, — сказала она. — Пожалуйста.

Она села в кресло у окна, пока грелся чайник. За стеклом шла вьюга — белая, бесконечная, небо совсем исчезло за ней.

Она думала про его вопрос. Вы часто бываете одна?

Никто не спрашивал её об этом. Никогда. В Москве одиночество было личным делом каждого — неприлично спрашивать, неприлично признавать. Одиночество там было либо выбором, либо слабостью. В любом случае — твоё.

Он спросил прямо. Как спрашивают про здоровье — не из вежливости, а потому что человеку важно.

Женщина принесла чай — в той же настоящей чашке, с блюдцем.

— Спасибо, — сказала Таня.

— Пейте, — сказала женщина. — Согревайтесь.

Таня взяла чашку двумя руками. За окном выла вьюга.

Глава двенадцатая. Оттепель

Командировка должна была закончиться в пятницу.

В среду Таня написала руководителю — коротко, по-деловому: есть ещё несколько моментов, требующих проверки, предлагаю задержаться до следующей недели. Руководитель ответил через час: хорошо, держите в курсе.

Она закрыла ноутбук и посмотрела в окно.

За стеклом шёл снег. Ровный, неторопливый, без ветра — не та вьюга, что была три дня назад, а другой снег, оседлый. Такой, который падает и остаётся.

Она не стала думать о том, зачем задержалась.

Задержалась — и всё.

* * *

Люба позвонила в четверг вечером.

Таня не сразу поняла, как у неё оказался её номер — потом вспомнила: на том ужине обменялись — между делом, как обмениваются люди, которые рассчитывают ещё увидеться.

— Таня, мы с Ирой завтра идём в баню. Пойдёшь?

— В баню?

— Ну да. У Иры своя, при доме. Хорошая. Мы раз в две недели ходим. — Пауза. — Ты же москвичка, наверное, думаешь, что баня — это спа какое-нибудь. Нет, это настоящая. Дровяная.

— Я знаю, что такое баня, — сказала Таня.

— Ну вот. Придёшь?

— Приду, — сказала Таня.

Она не знала, почему согласилась так быстро. Согласилась — и всё.

* * *

Ира жила на Деповской — Таня шла по адресу и не сразу нашла нужный дом: она искала что-то поскромнее. Дом стоял в глубине участка — двухэтажный, крепкий, обшитый тёмным деревом, с высокими окнами, которые светились изнутри тёплым жёлтым светом. Вокруг — пятнадцать соток, всё под снегом, но угадывались грядки, дорожки, деревья. У ворот стояла собака — большая, лохматая, которая встретила их у калитки и сразу полезла знакомиться.

Таня потрепала её за ухом, не отстраняясь.

— Это Буран, — сказала Ира, открывая ворота. — Не бойся, он добрый.

— Я не боюсь.

Они прошли через двор. Баня стояла отдельно — тоже деревянная, тёмная от времени, с трубой, из которой шёл дым.

— Я с утра топила, — сказала Ира. — Как раз.

Таня остановилась у крыльца основного дома и посмотрела вверх.

Двести пятьдесят квадратных метров. Два этажа. Своя баня. Своя земля.

В Москве она прожила в однушках. Сначала двадцать четыре метра на Войковской — кровать, стол, узкая кухня, в которой двоим не разойтись. Потом чуть больше, потом снова меньше — в зависимости от того, где нашлось и сколько осталось денег. Всегда чужое, всегда съёмное, всегда с чьей-то мебелью и чьими-то обоями.

А здесь — Ира. Обычный бухгалтер в местной администрации. Дом в двести пятьдесят метров с добротным ремонтом, собственной баней и пятнадцатью сотками земли.

Таня не завидовала. Это было что-то другое — острое, похожее на узнавание. Как будто она поняла, что всю жизнь жила неправильно. Не плохо — именно неправильно. Выбирала не то.

— Заходи, чего встала, — сказала Ира из дверей.

* * *

Внутри дома было просторно и тепло.

Таня вошла в прихожую — высокие потолки, деревянный пол, тёплый свет. Слева — лестница на второй этаж, широкая, с резными перилами. Прямо — гостиная, большая, с диваном, камином в углу, полками с книгами. На подоконнике — цветы, много, в глиняных горшках.

Она стояла и смотрела.

— У вас красиво, — сказала она.

— Да ничего особенного, — отмахнулась Ира. — Муж всё сам делал, руки у него хорошие. Пять лет строили — сначала коробку, потом ремонт, потом баню. Вот теперь живём.

Таня смотрела на этот дом и думала: пять лет. Строили пять лет — не покупали готовое за деньги. Строили. Каждый год по кусочку. И вот — стоит.

У неё не появилось даже гвоздя в стене.

* * *

В бане было жарко — той особой, плотной жарой, которая не обжигает, а обнимает. Пахло деревом, берёзовыми вениками, паром. Таня зашла и сразу почувствовала, как что-то в плечах отпускает — то напряжение, которое она носила так давно, что перестала его замечать.

Они сидели на пологе и разговаривали — ни о чём и обо всём. Люба рассказывала про мужа, который третий год собирается починить крыльцо и каждый раз находит причину отложить. Ира смеялась — у её тоже такой. Таня слушала и думала: у неё нет мужа с крыльцом. Нет крыльца. Нет даже гвоздя в стене.

Потом Ира плеснула на камни, и все замолчали — дышали.

— Ты надолго ещё? — спросила Люба.

— До следующей недели.

— А потом?

— Потом Москва.

Люба помолчала.

— Жалко, — сказала она.

Таня посмотрела на неё.

— Почему жалко?

— Ну как, — Люба пожала плечами. — Привыкли уже.
— И улыбнулась — без намёка, без подтекста. Просто привыкли.

Таня ничего не ответила.

* * *

После бани сидели на кухне у Иры — в халатах, с мокрыми волосами, пили чай с вареньем из морошки. Ира достала его из погреба — тёмно-янтарное, с запахом, которого Таня не умела описать. Сладкое, но не приторное. С какой-то северной горчинкой внутри.

— Сама собирала? — спросила Таня.

— Летом, — сказала Ира. — С мамой ездили. Там такие места — выходишь, а её кругом полным-полно, только собирай.

— Вы часто так — с мамой?

— Каждое лето. — Ира налила ещё чаю. — Мама уже немолодая, но ходит хорошо. Говорит, пока ноги носят — буду ходить.

Таня держала кружку и думала: когда она последний раз куда-то ездила с мамой. Не помнила. Несколько лет назад, на день рождения — посидели в кафе, разошлись. Мама живёт в трёх часах езды. Таня бывает там раз в год, иногда реже.

— У тебя мама далеко? — спросила Ира. Не из вежливости.

— В трёх часах езды.

— Ездишь?

— Редко, — призналась Таня.

Ира кивнула — без осуждения. Приняла.

— Надо ездить, пока есть куда.

Таня опустила взгляд в кружку.

За окном была ночь — плотная, полярная, без единого просвета. Из форточки тянуло холодом, но на кухне было тепло. Собака пришла и улеглась у ног Тани — тяжёлая, тёплая.

Таня не убрала ногу.

Сидела и слушала, как Люба рассказывает что-то про рынок, как Ира смеётся, как гудит чайник, как скрипит форточка на ветру.

Она не помнила, когда последний раз вот так сидела. В чужом тепле, среди людей, которые вдруг стали немного своими.

В Москве подруги были. Раньше. Потом как-то разошлись — у всех работа, у всех своё, встречались раз в полгода за ужином, говорили о правильных вещах, расходились до следующего раза. Звонили раз в два месяца — коротко, по делу, «как ты, нормально, у меня тоже, давай встретимся как-нибудь».

Здесь Люба позвонила в четверг и позвала в баню. Потому что идут — и пусть она тоже.

— Анатолий говорил, ты хорошо работаешь, — сказала вдруг Ира.

Таня подняла взгляд.

— Говорил?

— Ну да. — Ира взяла варенье. — Он вообще мало говорит, но, если говорит — это серьёзно.

— Мы почти не разговаривали, — сказала Таня.

— Это нормально, — сказала Люба. — Он такой. Сначала смотрит. Потом говорит.

Больше про Анатолия в тот вечер не говорили.

Но Таня думала об этом в такси до гостиницы — в темноте, глядя в окно на заснеженные улицы. Он вообще мало говорит, но, если говорит — это серьёзно.

Она не знала, что с этим делать.

Держала это в себе — осторожно, как держат что-то, что ещё не оформилось и может рассыпаться, если сжать слишком крепко.

* * *

В пятницу утром она написала маме.

Не по делу. «Привет, мамуль. Как ты? Я в командировке на севере. Тут красиво. Соскучилась».

Мама ответила через минуту — как будто ждала.

«Доченька, я так рада. Приезжай скорее. Испеку пироги».

Таня смотрела на экран долго.

Потом написала: «Приеду. Обязательно».

За окном шёл снег.

Ровный — такой, который падает и остаётся.

Глава тринадцатая. Гололёд

Воскресенье в Инте было другим.

Таня поняла это сразу, как только вышла на улицу. Город дышал иначе — медленнее, свободнее, как дышат люди, которые наконец сняли галстук. Магазины закрыты, машин почти нет, на тротуарах — редкие прохожие, никуда не торопящиеся. Где-то пахло дымом из трубы. Где-то — свежим хлебом.

Она шла без цели. Впервые за всё время — без маршрута, без телефона в руке, без пункта назначения. Шла и смотрела.

Город в воскресенье утром был другим — спокойнее, человечнее, будто показывал что-то, что в будни прятал. Вот старик чистит снег у крыльца — методично, не спеша, лопата скребёт по асфальту ровно. Вот двое детей тащат санки в горку — кто-то уже разъездил склон, след блестит. Вот женщина несёт пакет из магазина и останавливается поговорить с соседкой.

Таня шла и не думала ни о чём.

Это было непривычно. В Москве голова работала без остановки — о работе, о следующем письме, о том, что забыла сделать. Как двигатель на холостом ходу. Здесь — пауза. Не пустота, а именно пауза. Просторная, без дна.

Она свернула на незнакомую улицу — потому что захотела.

И увидела его.

* * *

Анатолий шёл навстречу — в гражданском, в той же тёмной куртке, без шапки, хотя было холодно. Шёл своим обычным ровным шагом, смотрел под ноги — думал о чём-то своём.

Поднял голову — увидел её. Остановился на секунду.

— Гуляете? — спросил он.

— Гуляю, — сказала она. — Впервые без дела.

— Это хорошо, — сказал он. — Могу вам составить компанию?

Она не ожидала вопроса.

— Можно.

Они пошли рядом, как идут люди, которым некуда торопиться. Сначала молчали — не неловко, а естественно, как будто молчание тоже было частью прогулки.

Потом он сказал:

— Вы ещё не видели старую часть?

— Какую старую?

— Там, — он показал влево, — первые дома. Тридцатые годы. Деревянные. Их немного осталось.

— Идёмте, — сказала она.

Он чуть удивился — она почувствовала это, хотя он ничего не показал. Свернул влево.

* * *

Они шли по узкой улице, которую Таня не знала. Дер-

вья здесь стояли старые — высокие, с толстыми стволами, в снежных шапках. Дома были другими — меньше, деревянные, с резными наличниками, с крылечками, присыпанными снегом. Не трущобы — именно старые дома, которые помнят другое время.

— Здесь жили первые, — сказал Анатолий, — кто строил город.

— Их расселяют?

— Некоторые. Те, что совсем плохие. — Он помолчал. — Жалко.

— Жалко?

— Они свидетели, — сказал он. — Уберёшь — и как будто этого не было.

Таня смотрела на дом напротив — небольшой, с тёмными брёвнами, с единственным окном, в котором горел свет. Кто-то жил. До сих пор жил в этом доме, в тридцатые годы возведенном.

— У вас есть ощущение, что город живой? — спросила она вдруг.

Он посмотрел на неё.

— Есть, — сказал он. — А у вас?

— Появляется, — сказала она честно.

Они пошли дальше.

Разговор шёл легко — не так, как она привыкла: быстро, по делу, без пауз. А иначе. Медленно, с паузами. Он рассказывал про город — не как экскурсовод, а как человек,

который знает каждую улицу не по названию, а по истории. Вот здесь был клуб — по пятницам танцевали, его мать сюда ходила молодой. Вот здесь стояла городская баня — снесли пять лет назад, жаль. Вот этот тополь посадили в пятьдесят восьмом — есть фотография в местном музее.

— Вы никогда не хотели уехать? — спросила она.

Он шёл молча секунду.

— Хотел. В двадцать три года. Поступил в Сыктывкар, учился там два года.

— И вернулись?

— И вернулся.

— Почему?

Он подумал.

— Здесь моё место, — сказал он. — Я это понял там.

Она шла и молчала.

* * *

Это случилось быстро.

Они свернули за угол — там, где тень от дома ложилась на тротуар и лёд под снегом не таял никогда. Таня шагнула — и нога ушла вперёд, тело повело назад, она взмахнула руками

Он поймал её.

Не эффектно, не как в кино — оказался рядом, рука легла под локоть, другая — на спину, и она не упала. Замерла — в его руках, в нескольких сантиметрах от земли.

Секунда.

Потом она выпрямилась. Он не убрал руки сразу — на долю секунды дольше нужного. Потом убрал.

Они стояли и смотрели друг на друга.

Таня засмеялась первой — не потому, что смешно, а потому что иначе было нельзя. Смех вырвался сам — короткий, немного растерянный.

— Вот, — сказала она. — Профессионал.

— Лёд, — сказал он. — Надо смотреть под ноги.

— Я смотрела.

— Плохо смотрели.

Она снова засмеялась — уже по-настоящему.

Он смотрел на неё. Не так, как смотрел раньше — ровно, как смотрят на всех. Иначе. Как будто что-то сдвинулось за эту секунду, пока он её держал.

— Ступайте аккуратнее, — сказал он наконец.

Они пошли дальше. Он шёл чуть ближе, чем раньше — не вплотную, но так, что, если она снова поскользнётся, он будет рядом.

Она не поскользнулась.

Но шла и чувствовала это расстояние — то новое, сократившееся расстояние между ними — как что-то тёплое и немного страшное.

* * *

У перекрёстка они остановились.

— Мне туда, — сказал он.

— А мне обратно, — сказала она.

Пауза.

— Хорошо погуляли, — сказал он.

— Хорошо, — согласилась она.

Он кивнул и пошёл в свою сторону. Она смотрела ему вслед секунду — ровный шаг, тёмная куртка, снег на плечах.

Потом повернулась и пошла обратно в гостиницу.

Шла и думала о том, как он её держал. Одну секунду. Может две.

Глава четырнадцатая. Пять лет

Ира позвонила в понедельник утром.

— Таня, у нас в пятницу Машин день рождения. Пять лет.

Придёшь?

— Это же семейный праздник, — сказала Таня.

— Ну и что, приходи, будет весело.

Таня хотела отказаться — по привычке, из вежливости, потому что чужой праздник — это чужой праздник. Но вспомнила баню, кухню, собаку у ног, варенье из морошки.

— Во сколько?

— В шесть. Маша сказала, чтобы обязательно в нарядном.

Она проверит.

* * *

Таня пришла в нарядном.

Не в рабочем костюме — в тёмно-синем платье, которое возила с собой на случай, который обычно не наступал. Теперь наступил.

Дом на Дёповской светился всеми окнами. Из-за двери слышался детский смех и музыка — громкая, с какой-то песней про зверей. Буран встретил её у калитки и завилял хвостом — узнал.

Дверь открыла Маша.

Пять лет, тёмные косички, платье с блёстками, сверху тёплая шубка. Она посмотрела на Таню — оценивающе, снизу

вверх.

— Ты красивая, — сказала Маша.

— И ты красивая, — сказала Таня.

— Я знаю. Заходи.

* * *

Гостей было много.

Таня не ожидала — человек двадцать, не меньше, и это не считая детей, которых было отдельно человек десять и которые создавали шума за троих взрослых каждый. В гостиной сдвинули столы, на кухне что-то шкворчало, из коридора доносился смех. Пахло едой, мандаринами, детским праздником — тем особым запахом, который бывает только когда в доме много людей и все они счастливы.

Ира встретила её в прихожей — раскрасневшаяся, в фартуке, с полотенцем в руках.

— Пришла! Хорошо. — Она сразу потащила её в гостиную. — Вот, знакомьтесь — это Таня, из Москвы, в банке работает.

Таня познакомилась с Антоном и его женой Наташей, с семьёй Ковалёвых — муж, жена, двое мальчиков лет семи и девяти, — с соседкой Валентиной Петровной, которая пришла с внучкой и принесла три банки варенья, с коллегой Димы Игорем, с Верой и её мужем Костей — широким, смешливым, который сразу начал рассказывать что-то про рыбалку. Таня кивала, улыбалась, запоминала имена — их было много, они перемешивались, но никто не требовал от неё ни-

чего особенного. Вот ты, вот мы, садись, выпей, ешь.

Она села. Выпила. Ела.

Вокруг шумело, смеялось, двигалось. Дети носились между взрослыми, как маленькие торнадо — то появлялись, то исчезали. Маша командовала ими с той серьёзностью именинницы, которой сегодня всё позволено. Дима нёс из кухни блюда — улыбаясь, — и все тянулись за добавкой, и он нёс ещё.

Таня сидела и смотрела.

В Москве она не была на таком празднике давно. Там праздники были другими — ресторан, заранее забронированный стол, правильный подарок из списка, разговоры о работе и ценах на квартиры. Всё хорошо, всё вежливо, всё правильно — и все расходились ровно тогда, когда нужно.

Здесь никто не смотрел на время.

* * *

Анатолий пришёл в половине восьмого — с другом, которого Таня раньше не видела. Высокий, рыжеватый, громкий — полная противоположность Анатолию. Ввалились в прихожую, рыжий тут же загремел, заговорил со всеми сразу, Маша налетела на Анатолия как маленький снаряд.

— Толя! — закричала она и обхватила его ноги.

Он наклонился, подхватил её — легко, привычно, как берут детей люди, у которых это получается само собой.

— С днём рождения, — сказал он. — Сколько лет?

— Пять! — Маша показала пять пальцев прямо в его ли-

цо.

— Серьёзный возраст, — сказал он серьёзно.

— Очень, — согласилась Маша. — Я теперь большая.

— Вижу, — сказал он.

Таня наблюдала это из гостиной — через открытую дверь, не специально.

Анатолий поставил Машу, достал из кармана куртки небольшой свёрток. Маша схватила, стала разворачивать — медленно, с той мучительной сосредоточенностью, с которой дети разворачивают подарки. Внутри оказался маленький деревянный зверёк — медведь, вырезанный из дерева, с круглыми ушами и добродушной мордой.

— Сам сделал? — спросила Маша.

— Сам.

— Ты умеешь из дерева?

— Немного.

Маша рассмотрела медведя со всех сторон.

— Он добрый? — спросила она.

— Добрый, — сказал Анатолий. — Но только для хороших девочек.

— Я хорошая, — сказала Маша твёрдо.

— Я знаю, — сказал он.

* * *

Вечер шёл своим чередом.

Анатолий сел за стол с другом, разговаривал, смеялся — Таня видела его краем глаза, не смотрела специально. Он

поймал её взгляд один раз, кивнул, она кивнула в ответ. Всё.

Потом дети устали от беготни и перешли в другой режим — сонный, просительный. Несколько из них приползли к взрослому столу и пристраивались на коленях у родителей. Маша ходила по гостиной с медведем в руках и искала, кому ещё его показать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.